

DOI: 10.24412/2308-8079-2022-3-3

УДК 94(430.1)

СОВЕТСКО-ГЕРМАНСКИЙ ЭНЕРГЕТИЧЕСКИЙ ДИАЛОГ КАК ЗАЛОГ РАЗРЯДКИ В 1960-1970 ГГ.

Келлер А.В.

Советско-германские экономические связи в 1960-1970-х гг. характеризуются широкими контактами на частном предпринимательском и официальном государственном уровнях, когда экономическая политика ФРГ проходила в тесном взаимодействии с «частными» инициативами немецких предпринимателей. Эта связь прослеживается при переговорах 1958, 1962, 1966 гг., а также в преддверии подписания Московского договора в 1969-1970 гг. после «переговорного марафона» между западногерманскими предпринимателями и советскими переговорщиками. «Новая восточная политика» стала важным инструментом по выстраиванию сложных комплексных отношений с Советским Союзом, хотя и с существенными расхождениями в постановке акцентов представителей западногерманской политики – социал-демократами (СДПГ), с одной стороны, и партийного блока ХДС/ХСС, с другой. Несмотря на это, в результате данного взаимодействия появились механизмы сначала постепенной затем ускоряющейся интеграции СССР в мировую экономику. Экономические интересы диктовали обеим сторонам необходимость конструктивного диалога. Создание двусторонней позитивной экономической зависимости двух экономик, существовавших на различных социально-экономических и идеологических принципах, вынуждали партнеров к бережному отношению к трубопроводной инфраструктуре.

Ключевые слова: эмбарго на поставки труб, договор «газ-трубы», СССР, ФРГ, энергетический диалог, К. Аденауэр, В. Брандт, Л.И. Брежнев, Г. Шрёдер, Л. Эрхард.

THE SOVIET-GERMAN DIALOGUE ON ENERGY AS A PREREQUISITE FOR DÉTENTE IN 1960s-1970s

Keller A.V.

The Soviet-German economic relations between the 1960s and 1970s are characterized by wide contacts at the private business and official state levels, when the economic policy of the West Germany was being carried out in close cooperation with the “private” initiatives of German entrepreneurs. This connection can be observed in the negotiations held in 1958, 1962 and 1966, as well as before the signing of the Treaty of Moscow in 1969-1970 after the “negotiation marathon” between West German entrepreneurs and Soviet negotiators. “The New Eastern Policy” became a significant instrument for building complex relations with the Soviet Union, although with very different approaches taken by representatives of West German conservative-liberal (CDU/CSU, FDP) and social-democratic (SPD) political camps. Nevertheless, at first this resulted in a gradual and then an accelerated economic integration of the Soviet Union into the world economy. The economic interests of the two countries called for a constructive dialogue. Finally, the emergence of bilateral positive economic dependence between them that rested on different socio-economic and ideological principles forced both sides to carefully handle the pipeline infrastructure.

Keywords: pipes embargo, contract “Gas-Pipes”, Soviet Union, Federal Republic of Germany, energy dialogue, K. Adenauer, W. Brandt, L. Brezhnev, G. Schröder, L. Erhard.

Экономическая политика в виде приложения к большой международной политике? Не всегда наблюдается именно такое структурное неравенство. Во всяком случае, не в германо-советских отношениях в 1960-1970-е гг., если говорить об энергетической политике федерального правительства Западной Германии, когда внешняя и экономическая политика шли почти всегда рука об руку и, как правило, сопровождались «частными» инициативами представителей западногерманских компаний. Так было в 1958 г., когда

состоялось подписание торгового соглашения между Западной Германией и Советским Союзом. Так было и в 1969/1970 г., когда подписанию Московского договора предшествовали интенсивные переговоры по заключению экономических соглашений [28, S. 228; 29]. Отто Вольф фон Амеронген, Бертольд Байтц, Эрнст-Вольф Моммзен, Эрнст Пипер или Хайнц Дюрр значительно расширили границы политического сотрудничества, исподволь приближая своим прагматизмом окончание системного противостояния [47, S. 111-128, 238, 243, 311-342].

Новая восточная политика как динамичная концепция адаптаций и модификаций служила важнейшей основой для расширения экономического сотрудничества. До начала 1970-х гг. западногерманская Восточная политика была в значительной мере обусловлена внутривосточной обстановкой. Время правления федеральных канцлеров Конрада Аденауэра и Людвиг Эрхарда характеризуется жестким противостоянием военно-политических блоков в рамках доктрины Хальштейна [48; 50]. Ни так называемый «план Глобке» 1959 г., предполагавший проведение референдума по вопросу объединения Германии, ни предложение о «гражданском мире» Аденауэра в июне 1962 г., не могли быть приняты Советским Союзом, так как они не предполагали в реальности признания независимости ГДР [14, с. 162-221; 13].

Основа советской внешней политики

Торговлю энергетическими ресурсами и сырьем, прежде всего нефтью, в крупных масштабах Советский Союз практиковал уже в самом начале своего существования. В обмен он получал иностранную валюту и технологии. Структура такого обмена со временем мало изменилась [44, S. 5]. Вилли Брандт акцентировал предысторию успешного сотрудничества германской индустрии с Советской Россией, озвучив в своих воспоминаниях позицию Карла Радека в 1922 г., согласно которой Германия могла получить большую пользу от разработки природных богатств СССР [2, с. 207]. В послевоенное время торговля природными ресурсами оставалась основой советской внешнеторговой политики, став к середине 1950-х гг. важным источником

доходов. Италия, Франция, Великобритания, Германия, активно торговавшие с Советским Союзом до войны, импортировали советскую нефть [44, S. 12].

Торговые отношения советской стороны в 1960-х гг. с обоими немецкими государствами основывались на «Договоре о торговле и мореплавании между Союзом Советских Социалистических республик и Германской Демократической Республикой» от 27 сентября 1957 г., дополнительно к Договору об отношениях между СССР и ГДР от 20 сентября 1955 г., и на «Соглашении по общим вопросам торговли и мореплавания между Союзом Советских Социалистических Республик и Федеративной Республикой Германии» от 25 апреля 1958 года, для содействия «развитию экономических отношений между обоими государствами», остававшемся в силе до 1963 г. В первом случае договор подписан министром-президентом Отто Гротеволем, во втором – соглашение подписали Генрих фон Brentано и Рольф Отто Лар, с советской стороны – Анастас Микояном и Павел Кумыкин [32].

В рамках соглашения с ФРГ в Советский Союз за время с 1958 по 1962 гг. было поставлено 600 000 тонн труб. Внешнеполитическое обострение к началу 1960-х гг. оставляло мало надежды на мирное сосуществование в ближайшем будущем: второй Берлинский кризис (1958-1962 гг.) и строительство Берлинской стены (1961 г.), Кубинский кризис (1962 г.), остановка поставок труб решением западногерманского правительства от 14 ноября 1962 г. с последующим торговым эмбарго по данному виду продукции до 1966 г. Тем не менее, эти события привели к усилению попыток международного сообщества по мирному урегулированию и разрядке напряженности между Востоком и Западом. В этой связи особо нужно сказать о Бертольде Байтце, генеральном уполномоченном эссенского промышленника Альфрида Круппа фон Болен унд Гальбах, сумевшем в «частном» порядке оказать неоценимые услуги западногерманской промышленности. В мае 1963 г. Бертольд Байтц находился в Москве для проведения переговоров с Анастасом Микояном, Алексеем Косыгиным и Николаем Патоличевым. 14 мая 1963 г. он встретился с руководителем Всесоюзного импортного объединения «Техмашимпорт»

Министерства внешней торговли Власом Кленцовым для уточнения рабочей программы. Во время их разговора в приемной раздался звонок от Никиты Хрущева, пригласившего немецкого гостя из Эссена на разговор. Байтца доставили в Кремль, где его ждал советский руководитель для аудиенции, длившейся с 15:00 до 17:25 [25]. Эти инициативы подкреплялись взятием политическим руководством ФРГ нового внешнеполитического курса «политики движения».

Важными политическими событиями, определившими концептуальные рамки Новой восточной политики и дополнявшими друг друга, стали выступления представителей двух политических лагерей: консервативно-либерального и социал-демократического. Оппортунистская позиция федерального министра иностранных дел Герхарда Шрёдера (ХДС) (см. его выступление от 4 июня 1962 г. в рамках XI федерального съезда партии ХДС в Дортмунде) по отношению к непримиримой «политике силы» К. Аденауэра, и его «политика движения» по нахождению компромисса между позициями США и блока ХДС/ХСС в вопросах восточной политики, служили переходным звеном к Новой восточной политике Вилли Брандта [33, S. 257-274; 42; 43]. Открытие торгпредств Западной Германии в Варшаве, Будапеште, Софии или Бухаресте были существенным результатом «политики движения» Г. Шрёдера [33, S. 258]. Эгон Бар (СДПГ) в своем выступлении «Изменения через сближение» 15 июля 1963 г. говорил о Новой восточной политике в вопросах воссоединения Германии и развития экономических отношений, как с ГДР, прежде всего в целях облегчения экономического положения ее граждан, так и со странами Восточного блока. Его слова стали программными на последующие годы советско-германского сотрудничества: «Сегодня становится ясным, что воссоединение не является единовременным политическим актом, провозглашенным как историческое событие на некоей исторической конференции, но это процесс, включающий в себя много шагов...» [24]. Данная концепция, как и концепция «политики малых шагов» были выработаны в тесном сотрудничестве с В. Брандтом.

В данном контексте можно условно согласиться с выводом Вальдемара Бессона о наличии некоего континуитета, когда «"политика движения" Шрёдера служила предшественницей последующей политики Брандта, Бара и Шея» [27, S. 336; 42, S. 74]. Другими словами, Новая восточная политика, содержание которой со временем изменилось кардинально, представляла собой многоступенчатый долгосрочный процесс, давший новое направление в развитии отношений с Советским Союзом, в решении конфликта военно-политических блоков. Она состояла из трех компонентов: политического, правового и социально-психологического [14, с. 198-199]. В этом смысле Герхард Шрёдер «как специалист по комплексным вопросам... с большим политическим весом», желавший по возможности найти компромисс в сложной внешнеполитической ситуации 1960-х гг., оказался в правильное время в правильном месте [4; 42, S. 379-401].

Шрёдер встал по отношению к Аденауэру на путь «мягкого оппортунизма», получив позднее от «атлантиста» Эрхарда полную поддержку. Последний ценил его прагматизм и, став федеральным канцлером в 1963 г., назначил его министром иностранных дел с широкими полномочиями [33, S. 18; 35, S. 135-136; 36, S. 105].

Людвиг Эрхард: изменения через торговлю

Возрождение Восточного комитета германской экономики в 1952 г. имело в своей основе традиционные структуры экономического сотрудничества с Советским Союзом, заложенные в Веймарской республике в 1920-е гг. Но это сотрудничество выстраивалось на иных принципах либерально-демократической системы и социальных рыночных отношений [26, S. 103; 39]. Основатель Восточного комитета германской экономики Отто Вольф фон Амеронген являлся признанным «предвестником восточной торговли» и ее «негласным министром» [38].

Теперь правительство уже Западной Германии находилось в сложной внешнеполитической ситуации, когда требовалось заслужить доверие как своих западных партнеров, так и Советского Союза. Достижению этих целей должно

было помочь своеобразное «разделение труда по областям компетенций» внутри христианских союзных партий ХДС и ХСС. В то время как Аденауэр пытался в союзе с Францией и прочими государствами-членами ЕЭС создать сильную Европу, Эрхард и Шрёдер концентрировались на укреплении союза с США при одновременном развитии Новой восточной политики, причем слоган Эрхарда «изменения через торговлю» во многом определял эту политику. Особенно, когда дело касалось темы воссоединения, всегда остававшейся одним из ключевых стратегических моментов в политической повестке союзных партий.

Свое конкретное воплощение такая политика нашла в инициативах Эрхарда и в результатах его энергетической политики, несмотря на эмбарго по поставке труб в Советский Союз [47, S. 273-310]. В начале нахождения Л. Эрхарда на посту федерального канцлера в 1963 году, политический блок ХДС/ХСС разрабатывал планы, предоставить Советскому Союзу в течение десяти лет кредитов в размере 25 млрд. долларов США за компромисс в вопросе объединения Германии [33, S. 45]. Несмотря на то, что этим планам не суждено было сбыться, они оказали позитивное воздействие на расширение экономического сотрудничества с Советским Союзом. С постройкой нефтяного трубопровода «Дружба» в 1964 г. поставки советской нефти в Западную Германию выросли с 1965 по 1967 год с 3,1 до 5,6 млн. тонн в год [44, S. 16]. Для сравнения, в 1955 г. Советский Союз экспортировал 3,7 млн. тонн, в 1968 г. 85,8 млн. тонн сырой нефти, из которых примерно половина предназначалась для стран Западной Европы [44, S. 14].

Внешнеполитическое напряжение в отношениях между сверхдержавами могло порой негативно сказываться на экономических отношениях Западной Германии с его восточным партнером. По этой причине конкурентное преимущество могли получить другие страны, как, например, Италия. Когда между государственной нефтегазовой компанией ЭНИ в лице Энрико Маттеи, и советской внешнеторговой организацией Союзнефтеэкспорт в лице министра внешней торговли Николая Патоличева уже в 1960-1961 гг. были подписаны

два торговых протокола, предусматривавших увеличение поставок нефти, начиная с 1962 г. с 11 до 21,4 млн. тонн, что соответствовало общему обороту в 100 млн. долларов США. Нефтепровод «Дружба» позволил резко повысить поставки советской нефти в Западную Европу, что вызвало неизбежное падение объемов поставок из США, Великобритании и Нидерландов, чувствительно затронувшее экономические интересы этих стран [11; 30, p. 186, 191].

Эмбарго – санкции

США и НАТО отреагировали на советское «энергетическое наступление» 21 ноября 1962 г. принятием со стороны Североатлантического совета постоянных представителей государств-членов НАТО решения об эмбарго на импорт труб большого диаметра в Советский Союз, так как предполагалось, что они должны были быть использованы при постройке нефтепровода «Дружба». Попавшие под удар западногерманские концерны Хёш АГ (Hoesch AG), Феникс-Рейнроп АГ (Phönix-Rheinrohr AG, в 1966 г. трансформирован в Thyssen Röhrenwerke AG, в 1970 г. объединен с Mannesmannröhren-Werke AG), и Маннесман АГ (Mannesmann AG) дали понять, что использовать газовые трубы при постройке нефтепровода невозможно по причине разных технических характеристик: диаметра трубы и повышенного внутреннего давления. Аргумент Североатлантического совета, что советская сторона предполагает создать возможность в случае военного конфликта быстрого снабжения топливом своей наступательной военной техники, оказался несостоятельным. Несмотря на сильное сопротивление из Бонна, американская сторона настояла на своем, не скрывая при этом, что в данном случае речь идет скорее не об экономических интересах или каких-либо технических деталях, а о безопасности и геополитике [18, S. 32-33, 36-38; 29, S. 18].

18 декабря 1962 г. федеральное правительство объявило запрет на импорт труб большого диаметра в СССР. Представители западногерманских компаний выразили протест в связи с тем, что уже в октябре этого года они заключили с советской стороной договоры на поставку около 200 000 тонн труб большого диаметра в рамках бартерного соглашения, и поэтому не в состоянии их

аннулировать [23]. Ссылаясь на обращение председателя правления Вилли Охеля (Hoesch AG), Эрнста-Вольфа Моммзена (Phoenix-Rheinrohr AG) и Эгона Овербека (Mannesmann AG) от 14 декабря 1962 г., Моммзен указывал в своем обращении на имя федерального канцлера Конрада Аденауэра от 8 января 1963 г. на то, что предметом договора являются не нефтяные, а газовые трубы. Он просил от имени трех концернов, разрешить в виде исключения завершение сделки по поставкам труб большого диаметра в СССР. Данная просьба наткнулась на сопротивление в политических кругах, несмотря на то, что невыполнение условий договора влекло за собой причинение существенного ущерба экономике Западной Германии [18, S. 32: письмо председателя правления Овербека федеральному канцлеру Аденауэру 8 января 1963 г.]. В ответе федерального министерства экономики приводился контраргумент, что руководство концернов уже 22 марта 1962 г. было поставлено в известность о возможном введении эмбарго [18, S. 36].

Другая попытка найти твердое юридическое обоснование для отказа в выполнении просьбы немецких промышленников была предпринята послом ФРГ в Москве Хорстом Грёппером в его информационном письме статс-секретарю германского МИДа Карлу Карстенсу от 14 января 1963 г., в котором он рассказал о своем разговоре с директором Phoenix-Rheinrohr AG Эккехардом Д. Шульцем. Сначала он озвучил позицию представителя концернов, согласно которой федеральное правительство обязано в рамках торгового соглашения выдать необходимое разрешение. Концерны сигнализировали свою готовность, построить в Советском Союзе соответствующие промышленные объекты для производства необходимых труб большого диаметра в случае, если они не получат в ближайшем будущем разрешения на экспорт. Они подтвердили еще раз, что 40-дюймовые трубы в количестве 202 000 тонн (плюс ориентировочно дополнительные 40 000 тонн) предназначались для строительства газопровода на участке Бухара-Челябинск. Данные трубы невозможно было использовать для постройки нефтепроводов без существенной обработки, что было бы очень дорого, в том числе и для нефтепровода «Дружба». Шульц сообщал, что в

случае необходимости СССР в состоянии наладить собственную продукцию в рамках годового планирования и довести ее примерно до 500 000 тонн, перекинув производство труб для нефте- или газопроводов на ту или иную промышленную отрасль. Также Шульц довел до сведения посла мнение руководства западногерманских концернов о том, что Италия поставит согласно договору 120 000 тонн труб в 1963 и 1964 гг., а Швеция соответственно 40 000 тонн [18, S. 75-77]. Таким образом, правительство ФРГ брало на себя ответственность за то, что в случае срыва поставок советская сторона могла отреагировать со всей остротой и использовать все средства, кроме риска открытого военного конфликта [18, S. 78].

По этому вопросу статс-секретарь германского МИДа К. Карстенс сообщил председателю Комитета по внешней торговле в Бундестаге Гюнтеру Серресу 15 февраля 1963 г., что формальная заявка на разрешение экспорта труб большого диаметра в СССР не может быть подана, так как существует опасность серьезного осложнения отношений с американским правительством, хотя эмбарго могло быть проигнорировано со стороны других стран [17, S. 323-325]. По поводу проведенных переговоров Э.-В. Моммзена в Вашингтоне Карстенс сообщил, что, несомненно, «американское правительство не заинтересовано в том, чтобы хотя бы одна тонна труб большого диаметра из 203 000 тонн была поставлена в Советский Союз (согласно информации, сообщенной лично господином Моммзеном, теперь это должны были быть всего лишь 160 000 тонн от общего количества)». Статс-секретарь Рольф-Отто Лаар был того же мнения и предупреждал 14 марта 1963 г., что «положительное решение (западногерманского) парламента... приведет к очередному серьезному охлаждению в отношениях с США и ослабит позиции (Западной Германии) в НАТО» [18, S. 407-409]. Для предотвращения обхода эмбарго со стороны других стран-поставщиц, Г. Шрёдер апеллировал в лице британского министра иностранных дел лорда Александра Дугласа-Хьюма в Париже 10 апреля 1963 г. в адрес британского правительства «сделать все, чтобы

помешать британским компаниям выполнить поставки труб, на которые правительство ФРГ наложило эмбарго» [18, S. 472-476].

Из разговора с американским коллегой Дэвидом Д. Раском 21 мая 1963 г. в Оттаве следовало, что Шрёдер использовал гибкую тактику в зависимости от того, какие государства представляли его оппоненты. Для того, чтобы более артикулировано представлять интересы западногерманской промышленности, он указал Дину Раску на то, что «федеральное правительство будет вынуждено отказаться от поддержки эмбарго по поставкам труб в отношении СССР в случае поставок британской стороной», на что Раск возразил, что «США восприняли бы такой шаг как "очень обидный", если весь рынок будет снова открыт для СССР» [18, S. 581]. В тот же день разговор со своим британским коллегой А. Дугласом-Хьюмом Шрёдер вел совсем в ином тоне, требуя от него оставаться непреклонным в вопросе эмбарго. Он убедительно показывал, какие «огромные проблемы в случае поставок труб в СССР со стороны Великобритании могут грозить не только экономике ФРГ, но и всей политике западного лагеря в целом по отношению к Восточной Европе». На это Дуглас-Хьюм невозмутимо ответил, что, «по его мнению, Великобритания должна была бы воспользоваться своим правом вето в Североатлантическом совете НАТО по отношению к его решению от 21 ноября 1962 г.» [18, S. 585].

Всякая надежда немецких концернов на положительное решение этого вопроса исчезла окончательно после встречи их представителей 18 июля 1963 г. с федеральным канцлером. К. Аденауэр отметил особые трудности при осуществлении торговых сделок с государствами Восточной Европы, озвучив свою точку зрения, что СССР, пользуясь разделением Германии, в любом случае не упустит возможность надавить на ФРГ с помощью нового экономического инструмента. Он не скрывал, что политические мотивы играют для него не менее важную роль, подчеркнув, что обмен товарами с восточноевропейскими государствами должен быть расширен. Эта торговля рассматривалась со стороны федерального правительства как политический инструмент. Канцлер подтвердил, что кредиты для СССР должны быть, как и

прежде, отклонены ввиду того, что «именно Западная Германия не должна "находиться в руках" своего должника». В свою очередь, краткосрочные кредиты могли, по его мнению, представляться в виде исключения прочим восточноевропейским странам, так как это могло помочь расколоть восточный блок. Просьба германских промышленников, обеспечить гарантиями объем и структуру торговли с Восточной Европой, а также позаботиться о гарантии возмещения рисков, связанных с эмбарго, была отклонена [19, S. 767-772]. Смягчающим обстоятельством было то, что таможенная служба, несмотря на то, что германо-советский торговый договор, срок которого истекал 31 декабря 1963 г., не был официально пролонгирован, попросту закрывала глаза на его формальное отсутствие, продолжая осуществлять пропускной режим на основании старого договора [47, S. 209].

В конечном итоге, эмбарго не помешало закончить строительство трубопровода «Дружба» и запустить его в строй в 1964 г., построить газопровод из Центральной Азии на Южный Урал по линии Бухара-Челябинск в 1966 г. с незначительными задержками в сроках выполнения, и запустить в 1968 г. газопровод «Братство». Потребность в трубах большого диаметра была удовлетворена отчасти с помощью поставок Челябинского трубопрокатного завода, отчасти компаниями из таких стран, не входящих в военный блок НАТО, как Швеция и Япония: «Большие потери понесли, прежде всего, западногерманские концерны, потерявшие из-за бойкота огромные заказы от Советского Союза по поставкам труб» [44, S. 15].

Эмбарго затрагивало не только трубы большого диаметра, но распространилось на другие сегменты торговли. Из разговора Карла Карстенса с заместителем министра внешней торговли Михаила Кузьмина 21 сентября 1965 г. известно, что в 1963 г. западногерманские фирмы не получили торговых лицензий на ввоз марганца, передельного чугуна, феррохрома, ферросилиция и вольфрама. Ограничения касались также нефтепродуктов, фотоаппаратов, древесноволокнистых плит и ковров [20, S. 1464-1466].

Новые попытки двустороннего сотрудничества

И все же Герхарду Шрёдеру удалось отчасти осуществить свой план и найти компромисс вопреки официальной доктрине Хальштейна. В 1963-1964 гг. были подписаны торговые соглашения с Польшей, Румынией, Венгрией и Болгарией, несмотря на их признание ГДР. В этих странах были открыты торговые представительства Западной Германии. Казалось, эмбарго на трубы было давно забыто и очутилось на периферии политической жизни. В результате очередного оживления германо-советских торговых связей, в июле 1965 г. в Дюссельдорф прибыли советские инженеры для закупки труб, необходимых для освоения новых нефтяных месторождений [47, S. 223]. Эта деловая встреча состоялась в более широком контексте появления нового тренда с середины 1960-х гг., когда советское правительство стало осознавать, что невозможно осуществить модернизацию промышленности без расширения торговых отношений с капиталистическим Западом, без финансовой и технической кооперации с ним [5, с. 166].

В связи с таким трендом, в начале 1966 г. прозвучала критика со стороны Эрнста-Вольфа Моммзена на одной из пресс-конференций Phoenix AG по поводу все еще остававшегося в силе эмбарго труб, что вызвало бурную реакцию со стороны западногерманского МИДа. Причиной этого выступления стали переговоры конкурентов (Thyssen-Röhrenwerke AG) с советской стороной по заключению сделки «газ-трубы» [47, S. 223]. В конечном итоге, в результате германо-французского ходатайства, Совет НАТО постановлением от 9 ноября 1966 г. упразднил эмбарго на трубы, в то время как голоса в прессе критически отметили запоздание такого политического акта, когда торговля с Восточной Европой уже давно производилась в больших объемах [47, S. 225]. Данный факт может быть косвенным подтверждением успешности политики федерального министра иностранных дел Герхарда Шрёдера, ушедшего в отставку 30 ноября 1966 г. Многие говорят о том, что ему удалось найти промежуточный путь между двумя союзными партиями, для того чтобы «уравновесить противоречивые силы» [33, S. 17; 49, S. 826].

Говоря о постепенном повороте в германо-советских экономических отношениях, нельзя недооценивать роль новой стратегии «гибкого реагирования» (Flexible Response) государств-членов НАТО, принятой 14 декабря 1967 г. и «доктрины двух столпов», предусматривавшей, с одной стороны, военную безопасность, с другой – политику разрядки. Консервативно-либеральная политика конфронтации все больше превращалась в политику экономической кооперации с Советским Союзом.

В определенном смысле можно говорить о появлении к этому времени подобия Новой восточной политики в СССР – «Новой западной политики», в особенности после 1969 г. Знаком времени было и то, что в высшем руководстве обеих стран появились Леонид Брежнев и Курт-Георг Кизингер. При всем различии их культурных и жизненных контекстов это были дипломатичные политики, готовые пойти на компромисс, что явилось первым условием кооперации в экономике, культуре и науке [7, с. 351-352, 355-356; 15].

1968 г.: Первый договор по газу с нейтральной Австрией

Во второй половине 1960-х гг. Советский Союз вновь начал активно наращивать поставки энергоресурсов на Запад, сделав соответствующие предложения Австрии, Италии, Франции и ФРГ. Первая офсетная сделка в области природных нефти и газа была заключена 1 июня 1968 г. с Австрией (Österreichische Mineralölverwaltung – ÖMV) [38; 40]. Согласно договору, австрийские компании должны были поставить в Советский Союз оборудование, необходимое для освоения нефтяных месторождений в Сибири, и стальные трубы для строительства трубопроводов. СССР обязывался поставить в течение 20 лет около 100 млрд. м³ природного газа. Примеру Австрии последовали позднее компании из Италии, ФРГ и Франции: ENI, Ruhrgas AG, Gas de France и др. [12, с. 61]. На договор с Австрией ссылался Н.С. Патоличев в разговорах со статс-секретарем федерального министерства экономики Клаусом фон Донаньи, состоявшихся с 22 по 28 мая 1969 г. в Москве, когда речь зашла о ценах. Патоличев заверил немецкого коллегу, что в случае, если будет известно минимальное количество поставок и сроки их

выполнения, советская сторона сможет предложить цену, причем, согласно ее пожеланиям, Советский Союз был заинтересован в заключении долгосрочных договоров на 10-15 лет. Согласно сообщению посла Аллард из Москвы в МИД Западной Германии 26 мая 1969 г., советская сторона была проинформирована о планах строительства компанией Salzgitter AG нефтеперерабатывающего завода на границе с ГДР [21, S. 641-643]. Также германская сторона во время переговоров 10 июля 1969 г. между Клаусом фон Донаньи и Николаем Осиповым показала свою заинтересованность в долгосрочных договорах на 15-20 лет [10, л. 124].

Точного времени начала переговоров назвать нельзя, так как переговорный процесс состоял из целой сети контактов и серии переговоров. Летом 1969 г., еще в бытность федеральным канцлером К.Г. Кизингера, между Западной Германией и Советским Союзом на уровнях министерств, ведомств, посольств, торговых представительств и компаний начались многомесячные переговоры по заключению экономических договоров, проходившие на территории обеих стран. Среди них были представители внешнеторгового объединения «Союзнефтеэкспорт» (позже «Союзгазэкспорт»), немецких концернов и банков. Согласно записке, подготовленной для ЦК КПСС от 16 декабря 1969 г., Ruhrgas AG получал возможность повысить годовой объем поставок газа с 3 до 5 млрд. м³. Концерн обращался к советской стороне несколько раз с просьбой, увеличить поставки как минимум до 5 млрд. м³ с 1 октября 1978 г. [9, л. 56]. К этому времени Западная Германия удовлетворяла лишь 20% своего газового потребления за счет советского газа.

Один из таких контактов произошел во время деловой поездки в Москву начальника Департамента по сделкам за рубежом Дрезденского банка (Dresdner Bank) Беллинга, состоявшейся 21-23 мая 1969 г., о которой он рассказал 7 июля советскому послу С.К. Царапкину в Бонне. Беллинг организовал поездку по собственной инициативе, чтобы встретиться с председателем Внешторгбанка Г.А. Трусевичем, а также сотрудниками министерства внешней торговли. Представитель финансового института сигнализировал готовность своего

банка, предоставить Советскому Союзу кредит в 100 млн. немецких марок, заверив, что компании Западной Германии заинтересованы в кооперации с советскими партнерами [10, л. 120-122]. Советский Союз в свои усилия в этом направлении, создав контролируемые финансовые институты в Западной Европе, осуществлявшие финансовые операции при осуществлении торговых соглашений и других экономических проектов [31].

1969 г.: Начало германо-советского переговорного марафона

После проведения первых переговоров по подготовке договора «газ-трубы» в Вене, следующие германо-советские встречи состоялись 9, 16 и 17 июля 1969 г. На них присутствовала советская делегация под руководством заместителя министра внешней торговли СССР Н.Г. Осипова. Немецкую сторону представлял руководитель делегации генеральный директор Ruhrgas AG Герберт Шельбергер. Они состоялись в кельнском торгпредстве Советского Союза, затем в центральном офисе компании Mannesmann AG в Дюссельдорфе, а затем снова в Кёльне. Здесь оговаривались технические детали контракта, заключавшегося на 20 лет, в том числе цена, условия оплаты, объемы поставок природного газа и достижение их максимума через пять лет. 17 июля 1969 г. состоялось подписание меморандума между Г. Шельбергером и В.Е. Меркуловым от «Союзнефтеэкспорта», причем руководитель немецкой делегации повторил, что немецкая сторона готова покупать кубический метр газа по стартовой цене 0,567-0,5 пфеннига [10, л. 108-117, 140-141].

Следующий этап переговоров начался 21 июля 1969 г. в Москве с участием председателя Совета министров СССР А.Н. Косыгиным в присутствии министра иностранных дел А.А. Громыко, встречавшего советскую делегацию, вернувшуюся из ФРГ, благодаря чему уровень переговоров перешел с отраслевого на правительственный [22, S. 857]. Об этом Моммзен, находившийся с частным визитом в Москве с 13 по 21 июля 1969 г., сообщил 25 июля министра-альтернативному директору Э. Бару. В СССР Моммзен провел переговоры с заместителем председателя Государственного Комитета по науке и технике Дж.М. Гвишиани, а также с министром внешней торговли Николаем

Патоличевым. В первую очередь обсуждался договор, подписанный в апреле этого года, предусматривавший поставку в Советский Союз труб большого диаметра и проходившие переговоры по поставкам газа, где потенциальным поставщиком фигурировала компания Thyssen-Röhrenwerke. Моммзен подтвердил, что советская сторона стремится к улучшению экономических связей и интенсификации отношений [22, S. 857].

Во время встречи Осипова-Шельбергера 31 июля в Москве, советская сторона после продолжительных переговоров пошла на снижение цены с изначальных 0,566 до 0,535 пфеннига за мегакалорию. Г. Шельбергер, напротив, увидев здесь шанс увеличения коммерческой выгоды, счел возможным пойти на дальнейшее снижение цены и предложил наблюдательному совету концерна цену в 0,525 пфеннига, хотя она и находилась в первоначальном ценовом коридоре с нижним порогом в 0,5 пфеннига. Стороны договорились продолжить переговоры в конце августа – начале сентября. Встречи состоялись в последних числах августа. На них были обсуждены коммерческие и технические вопросы, а закончились они встречей руководителей делегаций 1-3 сентября 1969 г. [10, л. 118-119].

Договоры «газ-трубы» 1969-1970 гг. – предпосылка Московского договора 1970 г.

С началом Большой коалиции наблюдается крутой поворот в Восточной политике, приведший к устранению германо-советской политической блокады. В результате переговорного марафона и внешнеполитических установок Вилли Брандта в 1969 г. были заключены два договора в рамках международного частного права, имевших большое значение для внешнеэкономической политики:

Первое бартерное соглашение, заключенное в начале декабря 1969 г., предусматривало поставки природного газа Ruhrgas AG (сегодня E.ON) в количестве 3 млрд м³ в течение последующих 20 лет начиная с октября 1973 г.

Второе бартерное соглашение предполагало поставку немецкими фирмами Mannesmann AG и Thyssen Röhrenwerke AG 1,2 млн. тонн труб

большого диаметра и технического оборудования для постройки газопровода в 2000 км на 1,2 млрд. немецких марок [1, с. 81; 12, с. 61].

Объём поставок первоначальных 3 млрд. м³ газа распределялся следующим образом: 2 млрд. м³ для Баварской газовой компании (die Bayerische Ferngasgesellschaft mbH, сегодня Bayerngas GmbH) и 1 млрд. м³ для Ruhrgas AG, из которых 0,5 млрд. м³ предусматривались для собственного использования и 0,5 млрд. м³ для агломерации Нюрнберга. В общей сложности через трубопроводы Баварской газовой компании должно было быть прокачано 8,5 млрд. м³ газа, из которых 6 млрд. м³ шли транзитом в Италию (ENI) и 0,5 млрд. м³ в Швейцарию. Интенсификация переговоров по поставкам энергоносителей также со стороны свободной земли Баварии происходила в контексте осознания того, что месторождения природного газа на юге Западной Германии должны были иссякнуть в 1975-1976 гг. [10, л. 146].

1 февраля 1970 г. в эссенском отеле «Кайзерхоф» состоялось подписание трёхстороннего договора в присутствии федерального министра иностранных дел Карла Шиллера и министра внешней торговли СССР Николая Патоличева между советским министерством газовой промышленности (с 1990 г. ПАО Газпром), Ruhrgas AG и консорциумом банков во главе с Deutschen Bank AG, состоявшим из 17 финансовых институтов. Последний заключил договор с советским ВТБ на предоставление последнему кредита в размере 1,2 млрд. немецких марок [1, с. 81; 12, с. 61].

Такая «огромная германо-советская бартерная торговля» сделала возможным поставку немецкими фирмами в Советский Союз труб большого диаметра, которая была прервана с 1962 г., и получение крупных кредитов со стороны западногерманских банков для создания инфраструктуры и системы трубопроводов для поставки газа в больших объемах в страны Восточной и Западной Европы.

Этот шаг можно назвать решающим в сближении двух стран в рамках экономического сотрудничества, позволившего преодолеть идеологические границы и антагонистичные интересы военно-политических союзов. Он явился

также решающей предпосылкой для подписания Московского договора 12 августа 1970 г., который после осложнений в получении согласия от советской стороны в связи с объявленной целью западногерманского правительства по мирному воссоединению немецкого народа (письмо Вальтера Шеля Андрею Громько) был ратифицирован немецким бундестагом лишь 17 мая 1972 г.

Этими политическими актами между Западной Германией и Советским Союзом было положено начало многолетнему сотрудничеству, благодаря которому в Европе появился крупнейший рынок по торговле природным газом. Трубы большого диаметра, приспособленные к экстремальным климатическим условиям Севера, были поставлены ВО Промсырьеимпорт. Советский газ пересекал границу в баварском Вальдхаузе, где находилась компрессорная станция Ruhrgas AG. По принципу подобных трехсторонних договоров (трубы-кредиты-газ) в последующие годы были заключены такие соглашения [6, с. 4; 44, S. 18] как, например, «Долгосрочное соглашение о торговле и экономическом сотрудничестве» от 5 июля 1972 г. или соглашение от 19 мая 1973 г. «О развитии экономического, промышленного и технического сотрудничества», которое было подписано Леонидом Брежневым в ходе официального визита в Бонн.

Герхард Шрёдер усилил экономическое сотрудничество с государствами Восточного блока для того, чтобы ослабить их связи с Советским Союзом, а Брандт – для того, чтобы втянуть Советский Союз в более тесное политическое и экономическое сотрудничество [51, S. 294]. Такие различные цели привели в конечном итоге к более глубокой интеграции восточноевропейского рынка в общеевропейский.

Это был длинный путь – начиная с октябрьского пленума ЦК КПСС 1964 г. и после того, как Леонид Брежнев пришел к власти, став генеральным секретарем, практикующим принципы коллективного руководства, до начала 1970-х гг., когда его стиль политического руководства стал оказывать решающее влияние на внешнеполитический курс. Этот длинный и трудный путь в пять лет прошли и правительства Эрхарда и Кизингера. Брежнев также

принял в 1964 г. наследие своего предшественника – эмбарго на трубы большого диаметра, которое легло тяжелым бременем на техническое развитие и развитие энергетической инфраструктуры, необходимой для экспорта энергоносителей на Запад [45].

Планирование поставок природного газа из Советского Союза за границу оказалось наиболее актуальным после открытия обширных газовых месторождений Медвежье и Уренгой во второй половине 1960-х гг. Первый газ в Западную Европу поступил в 1968 году, в Австрию [46, S. 71]. 1 октября 1973 г. первый советский газ поступил через Чехословакию в Западную Германию [44, S. 22-23]. Примерно в то же время Организация стран-экспортёров нефти (ОПЕК) начала сокращать объемы добычи нефти и поставок в США и Японию, что, несмотря на поставки советского газа, сильно ударило по экономике Западной Германии резким ростом цен, перебоями с поставками, ограничениями в продаже топлива на автозаправочных станциях [44, S. 18]. Во избежание в будущем подобной кризисной ситуации, западногерманская торговля энергоносителями была еще больше диверсифицирована, экономическое сотрудничество с Советским Союзом стало более интенсивным. В данной ситуации, закупки советского газа, значительно повысившие энергобезопасность страны, виделись вполне оправданными. Кроме того, энергетические кризисы 1970-х гг. способствовали возникновению и формированию у немецких политиков, общественности понимания необходимости эффективной и устойчивой энергетической политики. Заинтересованность в стабильных поставках энергоносителей по выгодной цене привела в конечном итоге к получению кредитов для освоения газовых и нефтяных месторождений Сибири [3, с. 84].

Подобно Новой восточной политике в Советском Союзе появилось ее приблизительное соответствие, которое можно было бы обозначить как советская «Новая западная политика», формировавшаяся в отличие от Западной Германии не как политическая программа, а в ходе практической работы по выработке внешнеполитического курса. Прорыву в данном направлении

способствовали ориентированные на реформы «либеральные» интеллектуалы, такие высокопрофессиональные специалисты и политические эксперты в окружении Брежнева, «интеллигенция высшей пробы», как А. Александров-Агентов, Г. Арбатов, О. Богомолов, Ф. Бурлацкий, А. Черняев, П. Демичев, П. Федосеев или А. Яковлев [17, с. 173]. Ключевым в их построениях служило концептуальное понятие конвергенции, допускавшее определенную реципрокность считавшихся до этого времени антагонистичными политических систем. Словами, продиктованными своему помощнику в 1973 г. в рамках подготовки речи на апрельском пленуме, Брежнев подвел своеобразный итог своей внешнеполитической деятельности: «Не было бы Чехословакии – не было бы ни Брандта в Германии, ни Никсона в Москве, ни разрядки» [8, л. 266-268; 16, с. 292]. Не умаляя роли политика, можно сказать, что эти слова могут быть рассмотрены в контексте чрезмерного самомнения Брежнева. Так как, если посмотреть на них с обратной стороны, то же можно сказать и о роли Брандта, без которого не состоялась бы советская экспансия на энергетическом рынке в том объеме, в котором она стала возможной в 1970-е гг.

Политика ФРГ «изменений через торговлю» смогла, во всяком случае, в краткосрочной перспективе, опровергнуть негативный прогноз американских политиков и экспертов по поводу торговли энергоносителями как стратегического оружия Советского Союза. Пер Хёгзелиус пришел к выводу, что понятие энергетической зависимости является слишком простым ответом на более сложный комплексный вопрос. На самом деле, по его мнению, эта связь должна рассматриваться как отношение парадоксальной взаимозависимости всех участников процесса экономического взаимодействия и технической кооперации. А именно, не столько благодаря поставкам энергоносителей, сколько зависимости всех торговых партнеров от инфраструктуры трубопроводов, которая заставляла обращаться с ней бережно и в интересах всех партнеров [37, р. 72-74]. Данный вывод релятивируется сегодня в контексте энергетического поворота и глобальных вызовов, заставляя искать новые технологические и политические решения.

Примечание:

В основу материала положен перевод нашей статьи «Der sowjetisch-bundesdeutsche Energiedialog als Basis der Entspannung» [41], где слова Эгона Бара из его выступления «Изменения через сближение» ошибочно приписаны Герхарду Шрёдеру [41, S. 415], в настоящей статье исправлено.

Список литературы:

1. Бёш Ф. «Энергетическая дипломатия»: Западная Германия, Советский Союз и нефтяные кризисы 1970-х гг. // Уральский исторический вестник. 2016. № 1 (50). С. 79-90.
2. Брандт В. Воспоминания. М.: Новости, 1991. 526, [1] с.
3. Карпов В.П., Тимошенко В.П. Энергетика и геополитика: тюменский фактор // Вестник Тюменского государственного университета. 2014. № 2. С. 84-91.
4. Келлер А.В. «Новая восточная политика» Вилли Брандта в контексте экономического сотрудничества между ФРГ и СССР 1963-1973 гг. // Уральский исторический вестник. № 1 (50). 2016. С. 100-108.
5. Осипов Е.А. Экономическая реформа 1965 года как фактор сближения между Москвой и Парижем // Новый исторический вестник. 2017. № 3 (53). С. 158-171.
6. Парусова К.А. Развитие взаимоотношений ФРГ и РФ в области энергетики: историко-международные аспекты проблемы: автореф. дисс. ... канд. ист. наук: спец. 07.00.15 – история международных отношений и внешней политики. Нижний Новгород, 2005. 25 с.
7. Патрушев А.И. Король красноречия Курт Георг Кизингер // Германские канцлеры от Бисмарка до Меркель. М.: Изд-во Московского ун-та, 2009. С. 351-356.
8. Российский государственный архив новейшей истории (РГАНИ). Ф. 2. Оп. 3. Д. 265.
9. РГАНИ. Ф. 3. Оп. 72. Д. 387.

10. Российский государственный архив экономики. Ф. 413. Оп. 31. Д. 2985.
11. Салаконе А. Энергетическая политика СССР как фактор влияния на Италию в 1960-х годах // Современная Европа. 2018. № 6. С. 134-141.
12. Тимошенко В.П. Компенсационные соглашения в программах освоения Сибири в 1960-1980-е гг. // Гуманитарные науки в Сибири. 2011. № 2. С. 59-63.
13. Филитов А.М. Германия в советском внешнеполитическом планировании, 1941-1990. М.: Наука, 2009. 331, [2] с.
14. Филитов А.М. Германский вопрос: от раскола к объединению: Новое прочтение. М.: Международные отношения, 1993. С. 162-221.
15. Филитов А.М. СССР и «новая восточная политика» ФРГ // Вестник МГИМО-Университета. 2017. № 3. С. 123-140.
16. Черняев А.С. Моя жизнь и мое время. М.: Международные отношения, 1995. 460, [2] с.
17. Черняев А.С. «...И лично товарищ Брежнев Леонид Ильич»: к столетию со дня рождения // Свободная мысль. 2006. № 9-10. С. 172-178.
18. Akten zur Auswärtigen Politik der Bundesrepublik Deutschland (AAPD), 1963, Bd. I: 1. Januar bis 31. Mai 1963. München; Boston: de Gruyter Oldenbourg, 1994. CXCVI, 602 S.
19. Akten zur Auswärtigen Politik der Bundesrepublik Deutschland (AAPD), 1963, Bd. II: 1. Juni bis 30. September 1963. München, München; Boston: de Gruyter Oldenbourg, 1994. S. 603-1265.
20. Akten zur Auswärtigen Politik der Bundesrepublik Deutschland (AAPD), 1965, Bd. III: 1. September bis 31. Dezember 1965. München; Boston: de Gruyter Oldenbourg, 1996. S. 1397-2090.
21. Akten zur Auswärtigen Politik der Bundesrepublik Deutschland (AAPD), 1969, Bd. I: 1. Januar bis 30. Juni 1969. München; Boston: de Gruyter Oldenbourg, 2000. LXXXIII, 750 S.

22. Akten zur Auswärtigen Politik der Bundesrepublik Deutschland (AAPD), 1969, Bd. II: 1. Juli bis 31. Dezember 1969. München ; Boston : de Gruyter Oldenbourg, 2000. S. 751-1601.

23. Bundesarchiv. Kabinettsitzung am 5. Dezember 1962. [B.] Embargo für die Ausfuhr von Großrohren nach dem Ostblock [Электронный ресурс] // Das Bundesarchiv [сайт]. 2022. URL: <https://bit.ly/3M4s6Xw> (дата обращения: 05.10.2022).

24. Bahr E. „Wandel durch Annäherung“. Rede in der Evangelischen Akademie Tutzing [Tutzinger Rede], 15. Juli 1963 [Электронный ресурс] // 100(0) Schlüsseldokumente zur deutschen Geschichte im 20. Jahrhundert [сайт]. 2022. URL: <https://bit.ly/3fvPz7J> (дата обращения: 05.10.2022).

25. Beitz B. Star im Osten [Электронный ресурс] // Der Spiegel. 1963. Nr. 23. URL: <https://bit.ly/3EmkKNr> (дата обращения: 05.10.2022).

26. Bellers J. Aussenwirtschaftspolitik und politisches System. Historisch-komparatistische Studien zur Weimarer Republik und zur Bundesrepublik Deutschland im Vergleich mit anderen Industrie- und Entwicklungsländern / Bellers J., Porsche-Ludwig M. (Hg.). Wirtschaft und Politik: von Geschichte über Aussenwirtschaft bis zu EU-Politik: ein Handbuch. Berlin: Lit, 2011. 89-109 S.

27. Besson W. Die Außenpolitik der Bundesrepublik Deutschland. Erfahrungen und Maßstäbe. München: Piper, 1970. 493 S.

28. Bösch F. Zweierlei Krisendeutungen: Amerikanische und bundesdeutsche Perspektivierungen der 1970er Jahre // Neue Politische Literatur. 2013. Vol. 58. 217-230 S.

29. Bösch F. Energiewende nach Osten // Die Zeit. 10 Oktober 2013. S. 18.

30. Cantoni R. Breach of faith? Italian-Soviet Cold War trading and ENI's international oil scandal // Quaestio Rossica. 2015. Vol. 4. 180-198 p.

31. Communist commercial companies abroad: growing inroads [Электронный ресурс] // Central Intelligence Agency [сайт]. 2022. URL: <https://bit.ly/3ryhJSt> (дата обращения: 05.10.2022).

32. Drucksache 945: Abkommen über Allgemeine Fragen des Handels und der Seeschifffahrt zwischen der Bundesrepublik Deutschland und der Union der Sozialistischen Sowjetrepubliken [Электронный ресурс] // Deutscher Bundestag [сайт]. 2022. URL: <https://bit.ly/3C8gmPb> (дата обращения: 05.10.2022).

33. Eibl F. Politik der Bewegung: Gerhard Schröder als Aussenminister 1961-1966. Studien zur Zeitgeschichte. Bd. 60. München: R. Oldenbourg, 2001. 485 S.

34. Friedmann V.J., Frohn A., Preis der Freiheit [Электронный ресурс] // Der Spiegel. 2011. Nr. 40. URL: <https://bit.ly/3e9vuE3> (дата обращения: 05.10.2022).

35. Hacke C. Zur Weltmacht verdammt: die amerikanische Außenpolitik von Kennedy bis Clinton. Berlin: Propyläen Verlag, 1997. 688 S.

36. Hildebrand K. Von Erhard zur Grossen Koalition, 1963-1969. Stuttgart: Deutsche Verlags-Anstalt. Vol. 1984. 531 S.

37. Högselius P. Energy and Geopolitics. London, New York: Routledge, 2019. IX, 192 p.

38. Iber W.M. Die Sowjetische Mineralölverwaltung in Österreich. Zur Vorgeschichte der OMV 1945-1955. Innsbruck: Studien Verlag, 2011. 312 S.

39. Jüngerkes S. Diplomaten der Wirtschaft: die Geschichte des Ost-Ausschusses der Deutschen Wirtschaft. Osnabrück: Fibre, 2012. 384 S.

40. Karner S. Im Kalten Krieg der Spionage. Margarethe Ottillinger in sowjetischer Haft 1948-1955. Innsbruck: Studien Verlag, 2016. 244 S.

41. Keller A. Der sowjetisch-bundesdeutsche Energiedialog als Basis der Entspannung // M. Borchard, S. Karner, H.J. Küsters, P. Ruggenthaler (Hg.). Entspannung im Kalten Krieg. Der Weg zum Moskauer Vertrag und zur KSZE. Graz-Wien: Leykam, 2020. S. 413-427.

42. Oppelland T. Gerhard Schröder (1910-1989). Politik zwischen Staat, Partei und Konfession. Düsseldorf: Droste, 2002. 797 S.

43. Oppelland T. Der „Ostpolitiker“ Gerhard Schröder. Ein Vorläufer der sozialliberalen Ost- und Deutschlandpolitik? // Historisch-Politische Mitteilungen. 2001. Vol. 8. Nr. 1. S. 73-94.

44. Perović J. Russlands Aufstieg zur Energiegroßmacht. Geschichte einer gesamteuropäischen Verflechtung // Osteuropa. 2013. Vol. 63. No 7. S. 4-28.

45. Perović J., Krempin D. “The key is in our hands:” Soviet energy strategy during Détente and the Global Oil Crises of the 1970s // Historical Social Research. 2014. Vol. 39. No 4. P. 113-144.

46. Perović J. Energieflüsse und Embargos. Ost-West Beziehungen im 20. Jahrhundert // Osteuropa. 2021. Vol. 71. No 10-12. S. 59-82.

47. Rudolph K. Wirtschaftsdiplomatie im Kalten Krieg: die Ostpolitik der westdeutschen Großindustrie 1945-1991. Frankfurt: Campus Verlag, 2004. 455 S.

48. Schönwald M. Walter Hallstein: ein Wegbereiter Europas. Stuttgart: Verlag W. Kohlhammer, 2018. 165 S.

49. Schwarz H.-P. Adenauer: Der Staatsmann: 1952-1967. Bd. 2. München: Dt. Taschenbuch-Verl, 1994. 1083 S.

50. Walter Hallstein: the forgotten European? / Eds. Loth W., Wallace W., Wessels W. London: Palgrave Macmillan, 1998. XVII, 260 p.

51. Zubok V. The Brezhnev factor in Détente, 1968-1972 // Холодная война и политика разрядки: дискуссионные проблемы = Cold war and the policy of détente: problems and discussions: Сб. ст. М.: ИВИ РАН, 2003. Т. 1. С. 284-316.

Сведения об авторе:

Келлер Андрей Викторович – доктор исторических наук, доктор философии (PhD), старший научный сотрудник Лаборатории эдиционной археографии Уральского федерального университета имени первого Президента России Б.Н. Ельцина (Екатеринбург, Россия).

Data about the author:

Keller Andrei Victorovich – Doctor of Historical Sciences, Doctor of Philosophy (PhD), Senior Researcher of Laboratory of Traditional Archeography, Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin (Yekaterinburg, Russia).

E-mail: keller26000@gmail.com.